

Университетской улице (его снесли при строительстве метро), привозил хлеб и другие продукты на неделю и раздавал нам по списку. Все пожарные части были телефонизированы и имели связь с Центральной. Там же, в Центральной, сидел брандмайор Васильев, очень хороший, душевный человек, и его заместители: по кадрам – Кривонос, по технике – Мурашков и другие. С немецкой стороны за работой команды присматривалиoberлейтенант Баденберг и его помощник мастер Фогль. Немцы ни во что не вмешивались, у нас не было никаких политинформаций, соцсоревнований, лекций. Не помню, чтобы кто-то нарушил дисциплину или нерадиво относился к работе, так дорог был кусок хлеба.

Жизнь, как зебра, имеет черные и белые полосы. Такая полоса наступила и у нас. Немцы объявили, что надо всей команде выехать в Полтавскую область, временно, с машинами и цистернами с водой, для усиления Полтавской пожарной команды. Через месяц последовало перемещение из Полтавской области в маленький городок Меджибож, недалеко от Проскурова. Стало ясно, что наше „перемещение“ связано с передвижением фронта на запад. При этом оказалось, что те несколько женщин-телефонисток, которые были с нами, куда-то исчезли. При этом немцы ужесточили дисциплину.

Следующая остановка была в Львовской области в городке Яворов. Мы попали в трудные условия: местное население относилось к нам, как к немцам – одинаково враждебно, называя нас «советами», кругом по лесам бродили какие-то вооруженные группы, воевавшие и против немцев и против русских, и между собой.

В душе росла смутная тревога. Что с нами будет?

Пока что немцы на каждом новом месте аккуратно прикреплялись к пункту питания и получали хлеб и другие продукты на всю команду, но такая ситуация не могла